

оригинальная статья

УДК 323.1

Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере Республики Тыва

Сергей Николаевич Чирун

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Sergii-Tsch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Сайдаш Сайын-оолович Сади

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия, г. Кызыл

Поступила в редакцию 14.01.2021. Принята в печать 16.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена проблематике политико-институциональных и этнополитических процессов. Предмет – латентные низко формализованные структуры, оказывающие заметное влияние на характеристики регионального политического режима и политические процессы в российских регионах. Цель – анализ влияния латентных структур власти и управления на характеристики регионального политического режима на примере республики Тыва. В качестве общеметодологического принципа использован полипарадигмальный подход, при этом отмечается явное предпочтение авторами неоинституциональной и постструктуралистской методологии. Применялись количественные и качественные методы политического анализа данных 5 исследовательских проектов, проведенных на основе анкетных опросов сотрудниками отделения прикладной социологии и политологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва за период с 2016 года по 2020 год; результатов 23 глубинных экспертных опросов, материалов 16 фокус-групп, полученных по всем районам республики при участии и под руководством одного из авторов статьи. Формальные институты в этно-национальных регионах России оказались неконгруэнтны модернизационным процессам и активно замещаются сетевыми отношениями в модели сетей клиентелы и парантеллы, где институциональные отношения являются всего лишь побочным продуктом распределения ренты среди доминирующих региональных групп интересов. Авторы считают, что значимой позитивной характеристикой республики Тыва под управлением Ш. В. Кара-оола стала относительная стабилизация внутренних этнополитических процессов. Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации региональной политики, особенно в регионах с выраженной этно-национальной спецификой.

Ключевые слова: политическая регионалистика, парантелла, клиентела, этнополитология, политический процесс, политические технологии, политическая культура, неопатримониализм, политическая география

Цитирование: Чирун С. Н., Сади С. С. Региональные политико-институциональные и этнополитические процессы на примере республики Тыва // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27>

Введение

Актуальная практика регионального строительства показала, что в отечественной региональной политике неизбежно будет присутствовать определенный этнический аспект. Поэтому в российском полиэтническом многоконфессиональном социуме в условиях его продолжающейся трансформации растет потребность в обеспечении качественного научного управления этнополитическими процессами. Это необходимо для формирования эффективной национальной политики с учетом особенностей и специфики общества постмодерна, когда процессы разработки и осуществления такой политики смещаются в регионы. Это определяет потребность в анализе ресурсов и инновационных возможностей регулирования этнополитических процессов в российских регионах.

Современный этнополитический процесс глубоко структурирован, что позволяет успешно исследовать его структурные элементы, а также множественные циклические

алгоритмы. Поэтому при анализе политических процессов в республике Тыва и их значения для политической системы современной России следует указывать специфические аспекты российской региональной политики и в их свете определять и исследовать специфику этнополитических процессов. Например, в Тыве и даже в ее административном центре – Кызыле официальные мероприятия, как указывает исследователь Ч. К. Ламажаа, часто начинаются с опозданием, которое может достигать часа и более. Данная модель тайм-менеджмента обычно преподносится в качестве одного из проявлений национальной тувинской экзотики [1].

Политическая транзитология обращает внимание на проблему закономерности и последовательности цивилизационных переходов. Исследователей интересует вопрос о неизбежности и сроках демократических преобразований. В большинстве стран постсоветского пространства

произошло то, что политологи рассматривают как следствие незавершенного транзита (т. н. гибридный политический режим), как неопатримониальную разновидность автократии – политического режима, который ограничивает возможности публичной политики и политического участия, искусственно формирует симулякры институтов демократии и гражданского общества, но при этом допускает возможность реальной внутризэлитарной конкуренции «башен кремля». Здесь не работают правила открытой политической конкуренции, но действуют теневые технологии борьбы кланов и клиентел.

Возможно, поэтому многие политологи считают, что подлинная стабильность в России не была достигнута, поскольку политический процесс в стране был искусственно заморожен [2]. Поэтому даже в тучные первые 10 лет XXI в. в России присутствовал лишь симулякр стабильности, но подлинной стабильности не было. Особенно отчетливо это проявлялось на региональном уровне в национальных республиках в составе РФ.

Контемпоральная Россия агрегировала в себе огромное количество традиций, политико-культурных, конфессиональных, этно-национальных и региональных особенностей, способных проявлять себя при любом политическом режиме. В этом случае «различия заключаются только в тональности политического диапазона» [3, с. 146]. С точки зрения подобных идеальных типов политической культуры характеристика «приходского» типа для Тывы применима, но для современного типа развития региона она представляется весьма условной. Сейчас речь, скорее, может идти о смешанном варианте с доминированием элементов «приходской» (патриархальной) культуры.

Методы и материалы

Несмотря на то, что в XXI в. произошло значительное перераспределение политико-экономических и правовых ресурсов в пользу федерального центра, стабильность российских регионов имеет огромное значение для стабилизации политической ситуации в стране. Именно от политической ситуации в регионах в значительной степени зависят перспективы социально-экономических преобразований, а также возможности долговременной стабилизации всей системы этнополитических отношений [4].

В отечественных исследованиях преобладает традиционный примордиалистский подход, который подчеркивает органическую связь между этносом и ландшафтом. В центре внимания данной методологии оказывается идентичность этнических структур, формируемых на основе структур биологических, социокультурных и географических (геополитических).

Общепризнанным фактом является влияние географических условий Тывы на особенности регионального этнополитического менталитета, особенности этнонациональной элиты. Более 80 % географической карты Тывы представлено горной местностью, рельеф которой

весьма сложен. В климате присутствует резкий межсезонный контраст: зима очень холодная, а лето, напротив, очень жаркое. С тематикой национального характера переключаются современные исследования этнической идентичности тувинцев. Своеобразный национальный колорит общественно-политических процессов рассматривается в монографии Н. П. Москаленко [5], интересны монографии Ч. К. Ламажаа [1; 6]. В этих работах структурированы данные о политической элите Тывы, представлено компаративное исследование лидеров региона (М. Буян-Бадыргы, С. К. Тока, Г. Ч. Ширшина, Ш. Д. Ооржака).

Генезис актуальных региональных проблем (системной коррупции, клановости и других проявлений неопатримониализма во власти) Ч. К. Ламажаа пытается проследить в исторических традициях населения Тывы, в геополитических условиях региона. Исследователь ищет ответ в биографиях (советском наследии) представителей региональной политической элиты [6].

По мнению В. Я. Гельмана, причину господства неопатримониальных политических практик в российских регионах было бы некорректно полностью связывать с традициями советского или досоветского прошлого [7, с. 36]. Как считает исследователь, неопатримониализм со всеми его негативными атрибутами в виде региональных кланов и клиентелы был целенаправленно сконструирован уже в постсоветской России в интересах новых российских элит с целью закрепления их привилегированного статуса и предоставления им доступа к бесконтрольному извлечению ренты. Сложившаяся ситуация, по мнению В. Я. Гельмана, блокирует возможность реформирования системы, формируя «порочный круг» социально неэффективных изменений, обслуживающих привилегированные элитарные группы в ущерб интересам общества и государства. Российский неопатримониализм представляет собой режимный гибрид, в котором политические традиции и идеальные типы, присущие классическому патримониализму, сосуществуют с контемпоральными политическими институтами [8, с. 93].

Воздействие региональных СМИ на мотивацию электорального поведения рассматривает А. М. Очур [9]. В своем конструктивистском политическом анализе автор исследует технологии работы с общественным мнением в целях конструирования и коррекции политического имиджа. Конструктивистская методология акцентирует внимание на проблематике политической идентичности и парадоксальности ее природы [10]. В рамках данной методологии этносы и нации рассматриваются в качестве искусственных или воображаемых конструкций.

Конструктивистами исследуется роль личности и технологий в процессе формирования и развития этносов. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в Тыве в 90-е гг. XX в. рассматриваются в работе Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан [11], политическая дифференциация республики представлена в работе З. Ю. Доржу [12],

которая стояла у истоков создания регионального отделения партии Единая Россия в Тыве. Конструктивизм проявляется и в употреблении таких понятий, как *этноция*, *этничность*, *этническая группа*. Этнией называют социальную общность, характеризующую квазиобщим генезисом, закрепленным в мифологизированном коллективном сознании, где «политическая культура становится реципиентом новейших вариантов религиозных и секулярных воззрений» [13, с. 124].

Для конкретизации этнополитических процессов следует обозначить их отличия от этносоциальных процессов. Если последние характеризуют социальную стратификацию этнических общностей, то этнополитические процессы касаются, прежде всего, распределения ресурсов, связанных с принадлежностью к региональной политической элите.

Многообразие политических и административных элит позволяет в какой-то мере справиться с «железным законом олигархии» с использованием инструментов взаимной ответственности элитарных групп друг перед другом, однако проблемой для российских регионов является, по убеждению Э. А. Паина и С. Ю. Федюнина, «сам элитизм в двух его разновидностях – патерналистской и снобистской» [14, с. 33].

Нами проводились исследования в рамках проекта Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ). Всего было опрошено 1166 человек в городах Кызыл и Ак-Довурак и 17 районах республики (Овьюрский, Дзун-Хемчикский, Пий-Хемский, Тере-Хольский, Тандинский, Тоджинский, Сут-Хольский, Улуг-Хемский, Каа-Хемский, Тес-Хемский, Эрзинский, Чаа-Хольский, Бай-Тайгинский, Чеди-Хольский, Барун-Хемчикский, Ак-Довурак, Монгун-Тайгинский). 86 % опрошенных – тувинцы, 12 % – русские, 2 % – представители других национальностей; 40 % – мужчины, 60 % – женщины; 25 % – в возрасте от 18 до 30 лет, 30 % – от 31 до 40 лет, 28 % – от 41 до 55 лет, 17 % – 56 лет и старше; 40 % – с неоконченным высшим / высшим образованием, 38 % – со средним специальным образованием, 20 % – со средним полным образованием, 2 % – с начальным / неполным образованием; 59 % – работающие, 16 % – пенсионеры, 12 % – безработные, 4 % – учащиеся, 4 % – домохозяйки.

Полученные данные позволяют утверждать, что традиционное отношение к органам государственной власти в Тыве всегда приобретало личностно ориентированный характер. Взаимоотношения руководителя и республиканских чиновников основываются не столько на служебном долге и профессиональных компетенциях, сколько на личной преданности клиента своему патрону. Властвующий рассматривает управление в первую очередь как возможность для реализации интересов и возможностей своего клана, ориентируясь на групповые стремления и потребности конститuentов. Но в данной модели управления часто отсутствует рациональная иерархия

и соответствие статуса уровню компетенции и пр. В отношениях с населением клиента и чиновники действуют столь же произвольно, как и сам правитель, лишь бы это не противоречило традициям и указаниям свыше.

Результаты

Исследование этнополитических процессов основывается на анализе институционализации системы властных отношений в региональных полициях, где итогом политической институционализации может быть формирование как иерархизированной бюрократической системы, так и многообразных гибких постмодернистских сетей взаимодействия. Сетевые структуры могут являться фактором обеспечения устойчивости для жестких иерархических структур. Это достигается, в частности, через механизмы интеграции неформальных институциональных практик в формальные, в том числе в иерархические, структуры.

Неформальные институциональные практики, по мнению политологов, весьма функциональны в процессах институционального строительства, а некоторые исследователи считают, что они даже занимают доминирующее положение в российской политике и значительно преобладают над формальными. В. Я. Гельман отмечает, что формальные институты в российской региональной политике представляют собой побочный продукт распределения ресурсов среди властвующей элиты. Эти институты способны выполнять свои публичные функции лишь в той мере, в какой способствуют (или как минимум не препятствуют) извлечению ренты [7, с. 38]. Поэтому динамика процессов этнополитической институционализации может принимать не только стабилизирующий, но и дестабилизирующий характер.

Рассматривая неформальные институты как институциональную проблему, С. В. Патрушев пишет о возникновении институциональной ловушки, т. е. формировании устойчивых неэффективных институтов в результате формального регулирования [15, с. 130]. Он отмечает, что правовые установки оставляют множество возможностей для их интерпретации, в силу чего (за счет распространения неформальных институциональных практик) институт сохраняет возможность своей реформализации. Так что даже совершенствование правового регулирования может привести к институциональной блокировке норм, распространению нелегальных практик и укреплению структур клиента [16, с. 290].

По мнению Р. Ф. Туровского и Ю. О. Гайворонского, в современной Тыве наблюдается приходской тип политической культуры, тогда как ее активистский тип присутствует в столице [17]. Современные исследования политико-культурной дифференциации демонстрируют различия в развитии депрессивных и инновационных российских регионов в «объеме жизненных шансов населения российской провинции и столичных городов» [18, с. 25].

Попытка обращения к традиционным институтам и практикам народов Евразии с целью поиска эффективных

этнополитических инструментов в условиях системной деструкции в отечественной управленческой практике в целом себя не оправдала. Наглядным примером неоднозначных оценок этнополитической институализации являются оценки места и роли федерализма в современной России [19, с. 205]. Здесь в первую очередь обращает на себя внимание чудовищный разрыв в социально-экономическом положении населения, проживающего в различных регионах РФ. Кроме того, сами российские регионы заметно различаются по своему статусу и престижности. Например, статус республики выше, чем у других субъектов, что влечет и социально-политические, и экономические последствия. С позиций прикладного политического анализа и прогнозирования политические системы, установившиеся в различных российских регионах, значительно отличаются по технологиям политической власти, стабильности региональных политических режимов и основным показателям динамики этнополитических процессов [20].

Неотъемлемой особенностью региональных политических процессов в России выступает этническая характеристика населения. Именно она во многом определяет своеобразие регионального этнополитического процесса, обусловленное политическим участием этнически детерминированных групп интересов.

Как показывают результаты исследований ТИГПИ, внутриродовые связи существенно влияют на самоидентификацию более половины тувинцев (76,5 %). Тувинцы, как правило, не мыслят своего существования вне кланово-родовой структуры. Она представляет своего рода большую семью, являющуюся одним из элементов весьма сложной политической идентичности [21]. До сих пор в Тыве действует традиция, связанная с идентификацией населения по родственной, родоплеменной или кожуунной принадлежности.

Формирование современных региональных политических режимов предполагает неперемным условием позитивную динамику развития гражданского общества и развитие местного самоуправления [22]. Но данный процесс в большинстве российских регионов приобрел искаженные формы и подчеркнута имитационный характер. Во многом это связано с той ролью, которую в этнополитических регионах играют кланово-корпоративные группировки, определяющие специфику взаимоотношения региональных элит. Например, родственники для тувинцев – это основа их самоидентификации.

Это и особая сетевая структура. Тувинцы гордятся достижениями своих родственников как подтверждением силы своего рода. Патрон-клиентские отношения характеризуются довольно сложной и противоречивой природой. В указанном феномене «уживаются одновременно личная зависимость и взаимная солидарность, персональные обязательства, принуждения и эксплуатация, неофициальность (закрытость) отношений и асимметрия ресурсов» [23, с. 255]. Обладая сетевой природой, корпоративно-клановые структуры имеют различную

иерархическую конфигурацию, внутри них происходит интенсивный внутренний ресурсный и информационный обмен, в следствие чего неформальные роли не всегда соответствуют формальному статусу сетевых игроков.

С этими особенностями во многом связаны деструктивно-ассимиляционные процессы активного формирования во власти кланово-патриархальных корпораций, основанных на институализации отношений клиентелы и парантеллы, что наглядно представлено в общественно-политической жизни ряда российских территорий и особенно национальных регионов [24]. Клановые отношения предполагают наличие развитой системы многоуровневых взаимодействий по вертикали и горизонтали, что позволяет выстраивать универсальную модель «взаимоотношений между федеральным центром и регионами» [25, с. 175].

Кланы являются весьма распространенным явлением в современной Тыве. Основным направлением их деятельности является обогащение и защита своих членов, самовоспроизводство социального статуса, расширение географии влияния на общество и государство. Именно клановая организация регионального социума обеспечивает в условиях Тывы реализацию социального функционала процессов идентификации, инкультурации, социализации и адаптации [26]. Поэтому даже сама реализация базовых витальных потребностей зачастую делает региональную элиту в условиях доминирования институциональных практик преמודерна / археомодерна замкнутой и обособленной [27].

В марте 1992 г. на выборах президента Республики Тыва при явке в 74,6 % победу одержал Ш. Д. Ооржак с 83,2 % голосов. Его приход к власти сопровождался подъемом общественных настроений в условиях освобождения от пут идеологической цензуры, воодушевления от демократических идей. Ш. Д. Ооржак в этот исторический момент сделал ставку на идеи тувинского национального возрождения, демонстрируя свою приверженность традициям, в том числе религиозным. Клановая корпорация Ш. Д. Ооржака выстраивалась не сразу, и ее создание тесно связано с особенностями его кадровой политики.

В начале президентской работы в кадровом подборе Ш. Д. Ооржак пытался ориентироваться на два критерия: профессионализм персонала и представительство территорий республиканской политической элите. Затем ситуация кардинально изменилась. Неизменной осталась лишь опора на клиентелу и клановые связи. Родственники первого президента Тывы получили высокие посты и государственные награды, члены семьи заняли ведущие посты в управлении различными отраслями экономики. Главными бенефициарами клана являлись президент Ш. Д. Ооржак и его супруга С. М. Ооржак. Клан контролировал организацию строительного бизнеса и систему госзаказа, оборот алкоголя и лекарственных средств, работу избирательных комиссий и региональных силовых структур.

Следует сказать, что поддержка неформального института клиентелы, раздача им ключевых постов не вызывали

отторжения у тувинцев, что свидетельствует о фрагментации административного общества и об определенном правовом нигилизме. Такая ситуация неизбежно приводит к патрон-клиентурным отношениям, складыванию парантел, упованию на традиционные политические ценности и персонифицированную власть лидера [28]. Это подтверждает гипотезу о фрагментации административного общества и преобладании партикулярных установок над солидаристскими, сопровождающимися правовым нигилизмом.

Как показывают результаты фокус-групп, проведенных сотрудниками отделения прикладной социологии и политологии ТИГПИ под руководством С. С. Сади, в ситуации социально-экономической нестабильности и отсутствия социальных гарантий государства родственный протекционизм в Тыве – достаточно распространенная практика, которая практически не встречает отторжения у большей части местного населения. При этом чувство групповой идентичности здесь сочетается с представлениями о том потенциальном пространстве возможности, которую дает принадлежность к определенной кланово-родовой неформальной структуре.

Данные исследования показывают, что в процессе конструирования управленческой вертикали в Тыве очень важно соблюдение баланса интересов различных парантел, кланов, родов и кожуунов, поскольку возвышение того или иного представителя неформальной структуры неизбежно будет означать усиление позиций членов всей неформальной структуры. Например, М. Буян-Бадыргы артикулировал интересы Даа-хошун т.е. западных тувинцев (химиков), С. К. Тока преимущественно представлял интересы восточно-тувинских кланов (троеженцев), Г. Ч. Ширшин был опорой для южных тувинцев (арчинцев).

Соответственно, во внутривластных процессах Тывы, взаимосвязанных с вопросами идентичности, очевидно постоянное колебание и перемещение политического центра Тывы между югом (Юннатский хошун, Амба-Нойоны) и западом (Даа-хошун, Хасиды, Буян-Бадыргы), Барун-Хемчикский кожуун). В результате региональный аппарат управления в рамках вертикали власти фактически разделен на соперничающие за доступ к ренте организованные структуры и неформальные клики [29], тогда как основная функция формальных региональных политических институтов в этой системе сводится преимущественно к созданию респектабельных симулякров для маскировки реального облика неопатримониализма [30].

Баланс отношений неформальных кланово-родовых структур в Тыве всегда был нестабилен. При Ш. Д. Ооржаке он был критически дестабилизированным. Исправить ситуацию удалось следующему республиканскому лидеру – Ш. В. Кара-оолу, который пользуется значительной поддержкой населения республики. К главным достижениям Ш. В. Кара-оола население причислило открытие велодорожки в Кызыле, реализацию проектов «Кыштаг для молодой семьи» и «Корова-кормилица».

Абсолютное большинство опрошенных считает, что глава Тывы пользуется высокой поддержкой со стороны федерального центра и С. К. Шойгу. Согласно данным анкетного опроса и фокус-групп, проведенных ТИГПИ при участии авторов статьи, жители столицы Тывы вне зависимости от признаков социальной дифференциации относят С. К. Шойгу к известным и уважаемым людям: он является не только самым известным и уважаемым человеком республики, но и символом и гордостью Тывы. Респонденты отмечают умение Ш. В. Кара-оола выстраивать эффективную коммуникацию в высших эшелонах власти, его компетентность и профессионализм. Большинство отметили ораторское мастерство главы республики, богатство его тувинской и русской речи: *Шолбан Кара-оол в молодом возрасте возглавил республику. Не каждому человеку дано управлять республикой. Думаю, что его «Бог в голову поцеловал», образно говоря. Уверен, что любая мать мечтает о таком сыне. Это счастье быть главой целой нации. Я восхищаюсь его богатой и развитой речью: что на тувинском, что на русском языке он говорит идеально. У нас в республике таких лидеров больше нет* (фокус-группа Бай-Тайгинского района). Высоко оценивают работу Ш. В. Кара-оола жители Эрзинского и Улуг-Хемского районов.

Из недостатков практически всеми респондентами были отмечены высокие цены на уголь, безуспешная борьба с алкоголизмом, а также низкая заработная плата учителей, воспитателей и врачей по всей республике. По мнению респондентов, низкие заработные платы провоцируют большой отток квалифицированных специалистов за пределы республики. Значительная часть опрошенной молодежи Кызыла и Пий-Хемского района выразили желание уехать на заработки в другие регионы России в ближайшее время: *Застой. Развития нет. Например, раньше уезжали в г. Кызыл, потому что в селах нет работы. Приехав в город, люди все равно не могут устроиться на работу, нет мест в детских садах, плата за аренду высокая. Сейчас люди уезжают за Саяны* (фокус-группа Барун-Хемчикского района).

Проблема семейственности во власти и кумовства, коррумпированности чиновников правительства республики Тыва волнует жителей практически всех опрошенных районов.

Наибольшую тревогу жителей республики вызывают проблемы трудоустройства, алкоголизма и преступности: *В селах нет работы. Не хватает садилов, школ. А детей кормить, растить надо. Чтобы заработать деньги на содержание своей семьи, люди выходят на поля производить гаишии. Нет другой работы, чтоб нормально заработать деньги. Очень много жителей так и живут* (фокус-группа Барун-Хемчикского района).

Крайне остро, по мнению респондентов, в республике представлены проблемы безработицы: *Надо дать людям шанс устроиться на работу. Я знаю одну девушку. Она раньше ходила по улицам и занималась проституцией. Теперь*

она устроилась в школу техничкой. Вот, большие она не появляется с этими алкоголиками, перестала курить гашиш (фокус-группа Бай-Тайгинского района).

В тех районах, где население высоко оценило деятельность председателей местной администрации, как правило, складывается хорошее отношение и к деятельности главы Тывы. В то же время негативное отношение респондентов к Ш. В. Кара-оолу наблюдается в районах, где руководители органов местного самоуправления не справляются со своими обязанностями и не решают местные проблемы.

Заключение

По нашему мнению, для анализа неформальных структур, действующих в Тыве уместно использовать концепцию парантеллы. Изначально эта категория получила распространение в юриспруденции, где обозначала группу родственников, имеющих общих предков. В современной политологии данным понятием чаще всего обозначают управленческую сетевую структуру, в основе которой

лежит родственный признак формирования. Существование парантеллы тесно связано с nepoтизмом, под которым понимается использование должностных ресурсов для систематического предоставления привилегий на основании родственных отношений, доминантных по отношению к служебным отношениям, а зачастую им предшествующих. В целом доминантное положение парантеллы в политической системе региона можно считать симптомом археомодернизации неформальной структуры государственного управления, свидетельствующим о ремиссии к основам организации политической жизни, присущим еще доиндустриальным обществам. Таким образом, одна из важных особенностей политической системы Тывы заключается в том, что уровень ее стабильности в значительной мере характеризуется показателями устойчивости динамики основных этносоциальных и этнополитических маркеров, а последние отражают специфику и основные характеристики региональных политических процессов.

Литература

1. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. М.: Восход-А, 2008. 497 с.
2. Sharafutdinova G., Turovsky R. F. The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. No 2. P. 161–175. DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826
3. Сабирова Н. С. Модель политической культуры современной России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 6. С. 146–150. DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7741
4. Туровский Р. Ф., Джаватова К. Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // *Политическая наука*. 2019. № 2. С. 48–73. DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
5. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. 221 с.
6. Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб.: Алетейя, 2010. 206 с.
7. Гельман В. Я. «Порочный круг» постсоветского неопатримониализма // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 34–44.
8. Чирун С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г.) Екатеринбург, 2019. С. 91–110. DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.91110*
9. Очур А. М. Воздействие региональных средств массовой информации на мотивацию электорального поведения: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 145 с.
10. Антух Г. Г., Гукова А. В., Петренко А. Н. Парадокс эго-идентичности: от человека до нации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 55. С. 47–58. DOI: 10.17223/1998863X/55/6
11. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1995. 137 с.
12. Доржу З. Ю. Общественные организации и политические партии современной Тувы // *Этносоциальные процессы в Сибири*. 2001. Вып. 4. С. 235–238.
13. Сардарян Г. Т., Алексеева Т. А. Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 124–138. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.09
14. Паин Э. А., Федюнин С. Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 1. С. 33–48. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04
15. Патрушев С. В. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // *Полис. Политические исследования*. 2011. № 6. С. 120–133.
16. Патрушев С. В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // *Власть и политика: институциональные вызовы XXI века* / отв. ред. А. И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2012. С. 279–298.
17. Turovsky R. F., Gaivoronsky Yu. O. Russia's regions as winners and losers: political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers // *European Politics and Society*. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 529–551.

18. Реутов Е. В., Захаров В. М., Полухин О. Н., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Неравенство жизненных шансов в российском обществе и фактор территории: взгляд из провинции // *Власть*. 2020. Т. 28. № 5. С. 25–33. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7563
19. Ross C., Turovsky R. F. Centralized but fragmented: the regional dimension of Russia's «party of power» // *Demokratizatsiya*. 2015. Vol. 23. No. 2. P. 205–223.
20. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // *Вестник РГНФ*. 2013. № 1. С. 73–82.
21. Гаман-Голутвина О. В., Сморгунюв А. В., Тимофеева Л. Н. Траектории политического развития России // *Власть*. 2020. Т. 28. № 4. С. 253–258. DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7472
22. Turovsky R. F. The systemic opposition in authoritarian regimes: a case study of Russia's regions // *The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: national and regional dimensions* / ed. C.Ross. London : Ashgate, 2015. P. 121–137.
23. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 253–268. DOI: 10.17223/1998863X/44/24
24. Чирун С. Н., Николаев А. В., Боброва Е. А., Луцкы А. С., Шмит Э. О. Взаимодействие с органами региональной власти на примере Кемеровской области: проблемы и технологии // *Власть*. 2018. Т. 26. № 7. С. 33–38. DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5927
25. Белоусов А. Б. Парадоксы вертикали власти: ретроспекция, воображение, травмы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 173–180. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.13
26. Серегина Т. Н. Модели межкультурной коммуникации // *Власть*. 2020. Т. 28. № 1. С. 119–124. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7062
27. Кочетков А. П., Моисеев В. В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 57. С. 244–256. DOI: 10.17223/1998863X/57/23
28. Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 49. С. 177–192. DOI: 10.17223/1998863X/49/18
29. Мельников К. В. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 68–81. DOI: 10.17976/jpps/2018.02.06
30. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 54. С. 252–262. DOI: 10.17223/1998863X/54/23

original article

Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic of Tyva

Sergey N. Chirun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Sergii-Tsch@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7422-8030>

Saidash S. Sadi

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tyva, Russia, Kyzyl

Received 14 Jan 2021. Accepted 16 Feb 2021.

Abstract: The article introduces the problems of political, institutional, and ethnopolitical processes using the case of the Republic of Tyva. The research featured latent and low-formalized structures that affect the regional political regime and political processes in Russian regions. The research objective was to analyze the influence of such latent structures of power and administration on the regional political regime in the Republic of Tyva. As a general methodological principle, the authors used the polyparadigmatic approach, as well as neo-institutional and poststructuralist methodology. The authors performed a quantitative and qualitative political analysis of five research projects based on questionnaires (2016–2020). The projects belonged to the Department of Applied Sociology and Political Science of the Tyva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research. The analysis also included 23 in-depth expert surveys from 16 focus groups

conducted in all areas of the republic. Formal institutions in ethno-national regions of Russia turned out to be incongruous to the modernization processes. They proved to have been replaced by clientele and parantella patterns, where institutional relations are just a by-product of money distribution among the dominant interest groups. However, the authors believe that Sh. V. Kara-ool managed to stabilize internal ethnopolitical processes in the Tyva Republic. The research results can help improve local policy in ethnic regions.

Keywords: political regionalism, parantella, clientele, ethnopolitology, political process, political technologies, political culture, neo-patrimonialism, political geography

Citation: Chirun S. N., Sadi S. S. Regional Political, Institutional, and Ethnopolitical Processes in the Republic of Tyva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1) 19–27. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-19-27>

References

1. Lamazhaa Ch. K. *Tuva between the past and the future*. Moscow: Voskhod-A, 2008, 497. (In Russ.)
2. Sharafutdinova G., Turovsky R. F. The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2): 161–175. DOI: 10.1080/1060586X.2016.1163826
3. Sabirova N. S. Model of political culture of modern Russia. *Vlast*, 2020, 28(6): 146–150. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7741
4. Turovsky R. F., Dzhavatova K. Yu. Regional disparity in Russia: can centralization become a remedy? *Political science (RU)*, 2019, (2): 48–73. (In Russ.) DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
5. Moskalenko N. P. *Ethnopolitical history of Tuva in the XX century*. Moscow: Nauka, 2004, 221. (In Russ.)
6. Lamazhaa Ch. K. *Clannishness in the politics of the regions of Russia. Tuvan rulers*. St. Petersburg: Aleteia, 2010, 206. (In Russ.)
7. Gelman V. Ya. The vicious circle of Post-Soviet neopatrimonialism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, (6): 34–44. (In Russ.)
8. Chirun S. N. Consensus (network) corruption and problems of effectiveness of state policy. *Current issues of scientific support for the state anti-corruption policy in the Russian Federation: Proc. III All-Russian Sci. Conf. with Intern. Participation, Ekaterinburg, 26–27 Oct, 2018. Ekaterinburg, 2019, 91–110*. (In Russ.) DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.91110
9. Ochur A. M. *Impact of regional mass media on motivation of electoral behavior*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2005, 145. (In Russ.)
10. Antukh G. G., Gukova A. V., Petrenko A. N. The paradox of ego-identity: from person to nation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (55): 47–58. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/55/6
11. Balakina G. F., Anaiban Z. V. *Modern Tuva: sociocultural and ethnic processes*, ed. Kalugina Z. I. Novosibirsk: Nauka. Sib. izd. firma, 1995, 137. (In Russ.)
12. Dorzhu Z. Yu. Public organizations and political parties of modern Tuva. *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri*, 2001, iss. 4, 235–238. (In Russ.)
13. Sardaryan G. T., Alekseyeva T. A. Secularization and religiousness in the optics of constructivism. *Polis. Political Studies*, 2020, (4): 124–138. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.04.09
14. Pain E. A., Fediunin S. Yu. Populism and elitism in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2019, (1): 33–48. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2019.01.04
15. Patrushev S. V. Clickocracy order as an institutional trap of Russian modernization. *Polis. Political Studies*, 2011, (6): 120–133. (In Russ.)
16. Patrushev S. V. Clickocracy as an institutional problem of Russian modernization. *Power and politics: institutional challenges of the XXI century*, ed. Solovov A. I. Moscow: ROSSPEN, 2012, 279–298. (In Russ.)
17. Turovsky R. F., Gaivoronsky Yu. O. Russia's regions as winners and losers: political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 2017, 18(4): 529–551.
18. Reutov E. V., Zakharov V. M., Polukhin O. N., Reutova M. N., Shavyrina I. V. The territorial factor of the life opportunities inequality in Russian society: the provincial perspective. *Vlast*, 2020, 28(5): 25–33. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7563
19. Ross C., Turovsky R. F. Centralized but fragmented: the regional dimension of Russia's "party of power". *Demokratizatsiya*, 2015, 23(2): 205–223.
20. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative study. *Vestnik RGNF*, 2013, (1): 73–82. (In Russ.)
21. Gaman-Golutvina O. V., Smorgunov L. V., Timofeeva L. N. The trajectories of political development of Russia. *Vlast*, 2020, 28(4), 253–258. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7472

22. Turovsky R. F. The systemic opposition in authoritarian regimes: a case study of Russia's regions. *The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: national and regional dimensions*, ed. C. Ross. London: Ashgate, 2015, 121–137.
23. Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/44/24
24. Chirun S. N., Nikolaev A. V., Bobrova E. A., Lutsyk A. S., Shmit E. O. Interaction with regional authorities on the example of the Kemerovo region: problems and technologies. *Vlast*, 2018, 26(7): 33–38. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v26i7.5927
25. Belousov A. B. Paradoxes of the power vertical: retrospection, imagination, trauma. *Polis. Political Studies*, 2020, (6): 173–180. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2020.06.13
26. Seregina T. N. Models of intercultural communication. *Vlast*, 2020, 28(1): 119–124. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7062
27. Kochetkov A. P., Moiseev V. V. Russian political elite as a subject of socioeconomic policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (57): 244–256. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/57/23
28. Selezneva A. V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, (49): 177–192. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/49/18
29. Melnikov K. V. Neopatrimonialism: classification as a way of overcoming the conceptual stretching. *Polis. Political Studies*, 2018, (2): 68–81. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2018.02.06
30. Palitay I. S., Danilova A. S. Regional leaders of the new generation: results of a political-psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, (54): 252–262. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/54/23